

чески ни на что негодными паразитами, и умственно вывихиваютъ себя мозги и становятся скопцами мысли. И точно также, по мѣрѣ отупѣнія, приобретаютъ самоувѣренность, лишаящую ихъ уже навсегда возможности возврата къ простой трудовой жизни, къ простому, ясному и общечеловѣческому мышленію“.

Зло, указываемое графомъ Толстымъ, дѣйствительно существуетъ, особенно у насъ, но въ этомъ ни чуть не виновато раздѣленіе труда, а скорѣе недостатокъ его. Тотъ апломбъ, съ которымъ медикъ или естественникъ второго курса беретъ за рѣшеніе соціальныхъ вопросовъ, доказываетъ только то, что онъ не умѣетъ и не желаетъ специализоваться на избранной имъ отрасли знанія.

Есть, впрочемъ, и другая причина того зла, на которое указываетъ Л. Н. Толстой,—это стремленіе къ высшему образованію не ради знаній, а ради матеріальной обезпеченности, которая болѣе или менѣе приобретается посредствомъ него.

Эту сторону вопроса, повидимому, болѣе всего и имѣетъ въ виду графъ Толстой, нападая на неправильное раздѣленіе труда. Но тѣ же экономическіе законы, которые обусловливаютъ въ извѣстный моментъ усиленный спросъ на ту или другую умственную работу, и вызываютъ иногда чрезмѣрное ея предложеніе, со временемъ регулируютъ это предложеніе и устанавливаютъ нормальное отношеніе.